

Юрий КОНОПЛЯННИКОВ

Из книги рассказов «Ты спас меня, брат»

Праздничный разговор

Когда мы жили в другой стране — не в теперешней России — от нас (людей литературы и искусства) требовали изображения не праздности, а трудовых будней. Не праздных собеседников, а объятых борьбой и трудом героических личностей. Ну, а поскольку сегодня это абсолютно никому не надо, то я позволю себе изложить один праздничный разговор на праздную тему двух праздных людей.

— Понимаешь, Валя, — говорит бывший театрал, ныне известный писатель, своему собеседнику — знаменитому поэту, у которого и находились в ту минуту, сидя в творческой мастерской в Переделькино в февральскую зимнюю пору, тёмным заснеженным вечером, наслаждаясь домашним теплом и наваристым чаем, — моя руководительница курса в театральном институте Марья Николаевна Орлова-Овчинникова, ученица Константина Сергеевича Станиславского, была яркой противницей всякого рода сценических и кинематографических эффектов и трюков. Говоря об этом, она утверждала, что это не русская школа. Что вот, например, знаменитый режиссёр Андрей Александрович Гончаров в Учебном театре ГИТИСа по бедности вынужден был оголить сцену: играть без кулис, без декораций, без задника — на фоне голых кирпичных стен, среди которых расположена сцена. И все стали ему подражать: оголять сцену, играть без декораций, без кулис и прочее. Стали говорить, что это авангард. Да не авангард это, а бедность, — справедливо возмущалась она. — Театр же — это праздник, это искусство. И в него надо идти именно так, как на праздник!

— Это так же, — согласился поэт, — как в стихах, когда нет богатства в душе — удаются в авангард!

Мурманск

Обожаю Мурманск. Город-ночь и город-день. Это я о том, что зимой в нём всё время ночь, а летом — день. Но и зимой, и летом есть моменты смены ночного на дневное, а дневного на ночное время: маленький рассвет и быстрый закат, большой рассвет и долгий закат.

Мы же не знаем, где что находим, а где что теряем.

Так случилось, что брат моей невестки и я (он в Мурманске, я в Москве), разведясь, в одночасье оказались холостыми.

И вот в конце января прилетел я в Мурманск, отдохнуть на трёшку дней. Выпили. Посидели. Анекдоты порассказывали. Один, например, с суровым северным оттенком, сильно запомнился: «Идёт человек, заезжий гражданин, по лесистой местности, а перед ним мужик со спущенными штанами меж двух деревьев руками к оным привязан. Человек дошёл до него и с удивлением спрашивает: "Мужик, а ты чё так стоишь-то?" — "Да чё, чё? — отвечает мужик. — Я грибы собирал, а тут шли двое, привязали к дереву и надругались". — "Ну а что ж ты не кричал?" — "А чё кричать-то? Одна деревня, — показал налево, — в десяти километрах отсюда. Другая, — показал направо, — в пятнадцати". — "Да-а?! — обрадовался, торопливо расстёгивая штаны, заезжий гражданин. — Ну у вас и глухомань!"».

Дальше — больше... На подвиги потянуло! А заведений ночных никаких таких нет: ни тебе ночного клуба, ни тебе ночного бара — ни интимного салона. Год 1981-й — советский! — на дворе.

— Да поехали ко мне, — предлагает Антон, брат невестки, — по дороге, на стометровке, тёлок снимем.

Как тут не согласиться? Даже я, не будучи мурманчанином, знал, что «стометровкой», находившейся рядом с железнодорожным вокзалом, зовётся съёмный скверик «ночных бабочек».

Сняли. Чуть раньше, на проспекте Ленина возле драмтеатра. На такси ехали, а она голосовала. Оба из машины выскочили кадрить особу женского пола. Снег валил невероятный, ноги в отделившем трассу от тротуара сугробе по колёсам проваливались, да и она, надо сказать, наша «ночная бабочка», с бутылкой «Советского шампанского» в руках неуклюже одиноко утопала на морозе в этом обилии снежной массы. Зато солнечный свет от фонарных столбов на фоне ночного зимнего неба и висячих, болтающихся на ветру световых гирлянд, растянутых над проспектом, завораживал, восхищал и делал нас самих восхитительно-романтичными. Быстро согласилась сестра в машину (видимо, от холода) голосовавшая особа. Она к подружке в гости собралась на улицу капитана Буракова, а тут мы — такая удача!

Ликовал больше всего Антон. Меня же смена маршрута начинала смущать: не люблю незнакомые места — особенно квартиры с ночлегом, в которых раньше никогда не бывал (путь-то к Антону намечался). Однако вскоре мы въехали в жилой массив, дома которого были воздвигнуты на скалистом предгорье. И это было так же романтично. И, конечно, восхищало.

Когда же по комнатам и кроватям разбежались: Антон с хозяйкой квартиры, куда мы приехали, а я с той, что у театра стояла, — то тут вообще неопишимо, что с нами сделалось.

Правда перед этим мы выпили всё, что у нас было: и шампанское, и водку, кулечную у таксиста (ночных точек с продажей спиртного тогда и в помине не существовало), и, кажется, вино, имевшееся у хозяйки, весёлой блондинки, также прикончили. Выпили, короче, всё под чистую.

Проснувшись в типовом доме, в типовой девятиэтажке, в чужой постели, после

угасшей романтики я засуетился: стал каким-то чрезмерно галантным, сделал вид, что ничего не было — не обещал, не просил, не клялся. И что меня уже ждут. Пора закругляться да в Москву улететь.

Но Антон, на всю катушку развлекаясь в другой комнате, никуда не собирался. Продолжал постельничать с блондинкой, ржать и подпрыгивать в кровати. У него, наоборот, пробудилось желание никуда не уходить с рассветом — в окне прорезался натуральный дневной недолгий зимний свет, и к тому же светомузыка играла (в ту пору сверхдостижение в мировой электронной технике и музыкальном сценическом искусстве). Она-то, видимо, к себе его и приковала: от всплеск звуков во вспышка света Антон то зависал, то радужно сиял.

— Давай послушаем! — при каждом моём появлении, расплываясь в улыбке, просил Антон и целовал блондинку, извивавшуюся и хихикавшую, как от щекотки, под одеялом рядом.

Я ходил по квартире туда-сюда: покурить на кухне, воды испить из-под крана. Наконец, блуждая так в одном и том же направлении, в коридоре наткнулся вдруг на мужские туфли никак не меньше 48-го размера и огромный китель представителя морского флота, не меньше старпома по званию. Я немедленно вызвал к себе Антона и выразительно показал ему на находку. И, хоть тот был довольно крепким тридцатилетним мужиком совсем не маленького роста, а быстро сориентировался и, не отрывая глаз от непомерных размеров кителя, шепнул мне с неподдельным ужасом.

— Уходим!

Мы исчезли, почти не прощаясь, торопливо вскакивая в одежду на лестничной площадке, в лифте, на заснеженном морозном дворе.

Таким вот запомнился один из последних визитов в Мурманск — любимый мной с тех пор и дивно красивый город.

Животный мир

Конец августа 2016 года. В часу пятом после полудня прошёл сильный дождь с грозой. Я спал, тем не менее, в Новой Москве на даче. Теперь в ночи сижу перед компьютером и сладко вспоминаю дни, проведённые в Крыму, с 20-го июня до середины июля.

Отдыхая на Крымском берегу в гостевом доме-отеле «Суслик Морской» под Севастополем в посёлке Кача, я получал удовольствие не только от прелести этих мест, где небо гораздо ближе к земле, чем, скажем, в средней полосе России, где солнце более открыто и где солнечные дни более объёмны, но и от неповторимой особенности животного мира. Почти очеловеченного мира.

У хозяев гостевого дома с семьёй комфортабельными номерами, Виктора и Ирины, на территории их сказочного, райского дворика, усеянного цветами вдоль тротуара и в промежутках между ним, и открытыми, увитыми клематисом, верандами, позволяющими отдыхающим проводить время на воздухе, растут и красуются густые зелёные туи, голубая ель, ленкоранские акации, декоративные кустарники, и качаясь четыре стройные берёзы листовую шелестят, а также наравне с людьми проживают животные — упитанная четырёхлетняя дворняга Рыжик, шестнадцатилетняя старушка, болонка-толстуха Барбоска с расчёсанным облезлым пузом и двухлетняя кошка по имени Гриша.

Из них из трёх земному физическому состоянию соответствует имя только Барбоски, так как она — собака женского рода. Однако Рыжик — не кобель, и Гриша — не кот, а кошка.

Когда её, кошку, хозяева после кошачьей драки с повреждённым глазом доставили в ветлечебницу и вслух назвали Гришей, то даже врач одурел и на просьбу сделать какую-нибудь операцию сказал нечто совсем уж неадекватное (немедицинское):

— А ему что, — возмутился ветеринар, глядя на кошку, которую зовут, как кота, — читать необходимо?!

Уловка, придуманная хозяевами, о питомцах, что, дескать, сызмальства не разглядели пол и, дав однажды имя, не стали ничего менять, — мало похоже на правду. Высказывать же недовольствие, почему имена двух животных не соответствуют их физическим данным, не имеет никакого смысла, так как и Рыжику, и Грише абсолютно без разницы, какого они рода.

Места в посёлке только обживаются. На земле, где выстроен «Суслик Морской», необычный для Качи длинный одноэтажный дом из сруба Г-образной формы под красной черепицей, долгое время был пустырь. И, что характерно для по-настоящему необжитой пока местности, на недостроенном соседнем двухэтажном доме из нештукатуренного самана, с пустыми, как бойницы, окнами, в ночное время появляется сова и, словно в фильме ужасов, кошачьи ругады почему-то выводит — пищит, как слепой котёнок. Я сначала предположил, что она за котятками охотится, потому-то и подражает их мяуканью. Но это, оказывается, не так. Выяснилось, что мяуканье вообще присуще ушастой сове, каковая и присутствовала в падавшем на неё свете Луны.

Обратив внимание на то, что Барбоска в неурочный час, взбираясь ко мне на веранду, очень чешется и тем самым, стуча лапами об пол, мешая отдыхать, я сказал хозяйке Ирине:

— Что же вы блох-то не выведете? Мучается ведь собачка! Загрызли насекомые её совсем.

Однако это было моим заблуждением, и не удивило, и не обескуражило хозяйку.

— Дело не в этом, — объяснила Ирина с сожалением, — сколько мы ни просим, отдыхающие всё равно прикармливают Барбоску конфетами, а ей сладкое нельзя, вот и чешется от аллергического зуда.

И снова я ошибся: животные в «Суслике Морском» под хорошим присмотром, ни в чём не нуждаются, имеют защиту, уход и снисхождение к своим «зверинным» слабостям.

Рыжик, например, когда Ирина принесла во время обеда на второе куриную грудку с вкусным-превкусным овощным гарниром, после ухода хозяйки, моментально появилась на веранде и присела на задние лапы возле моего кухонного стола, ожидая любимые косточки. Вот как она